

Поезд прибыл в Хогвартс уже после наступления темноты. На платформе по-прежнему громыхал великан Хагрид, собирая первокурсников, в то время как Пана и остальных ребят старосты повели в другую сторону — к каретам, запряжённым фестралами. Фестралы — удивительные волшебные существа, увидеть которых дано лишь тем, кто познал горечь утраты и своими глазами видел смерть.

Драко собирался сесть в одну карету с Паном, но расфуфыренный, точно павлин, Локхарт опередил его и бесцеремонно занял место рядом с мальчиком. Он, конечно, мог бы сесть туда же, но не вынес созерцания этого самодовольного индюка. Предав идеалы соседской дружбы, он оставил Пана на произвол судьбы и ушёл к каретам, где уже устраивались Крэбб, Гойл, Пэнси и Блейз.

— Ты видишь фестралов?

Фестрал расправил кожистые чёрные крылья, потянулся и, застучав копытами по каменистой дороге, увлёк карету к возвышающемуся вдали замку Хогвартс.

— Все эльфы видят фестралов. Эти создания чисты душой, — спокойно ответил Пан.

Сам он эльфом не был, но за свою жизнь успел повидать слишком много смертей.

Пан равнодушно беседовал с Гилдероем, который упрямо уселся рядом. К счастью, этот самовлюблённый павлин предусмотрительно наложил на себя стойкое заклятие игнорирования. Иначе карету штурмом взяли бы восторженные школьницы. Нужно признать, Локхарт был дьявольски хорош собой — и когда строил из себя напыщенного щёголя, и когда на его лице проступала суровая, холодная мужественность.

— Только те, кто познал настоящую смерть, способны видеть их, — Гилдерой проводил взглядом бегущего впереди фестрала. В его льдисто-голубых глазах блеснула щемящая тоска. — Я видел, как умирал мой отец. Он ненавидел Чёрную метку на своём левом предплечье. Считал, что она осквернила чистоту рода и заставила его предать семью. Наш девиз лаконичен: «Нейтралитет». И отец впервые в жизни применил Непростительное заклятие — против самого себя. Я был рядом. Пятый курс, Рождество... Я вернулся домой по его настоянию.

— И ты возненавидел фамилию Локхарт, — Пан продолжал смотреть вперёд. Его ленивый, негромкий голос прозвучал как утверждение, не требующее доказательств.

— Она лишила меня отца. И ради неё я пожертвовал собственной свободой и истинным «я», — не стал отпираться Гилдерой. Перед этим мальчиком с поразительно чистыми, изумрудными глазами ложь казалась невозможной. Взгляд мужчины стал ещё холоднее.

— Ты — не твой отец. Он любил свой род и без колебаний отдал жизнь ради призрачной чести. Настоящий, чистокровный слизеринец, — Пан повернулся к собеседнику, намеренно не

упоминая их прошлый разговор об уничтожении Тёмного Лорда. — Но ты устроен иначе.

— Да, я другой. Моей любви к семье оказалось недостаточно, — Гилдерой едва заметно кивнул.  
— Но почему ты обратился именно ко мне? С чего взял, что я стану помогать?

— Ты любил отца больше, чем абстрактный долг перед родом. И себя ты ценишь превыше семейных догм, — ровным тоном произнес Пан. — Ты проклинаешь наследие, которое отняло у тебя близкого человека и заставило скитаться по Черному лесу Албании вместо того, чтобы заниматься наукой в любимой школе. Ты презираешь правила, из-за которых вынужден прятаться под маской шута и напыщенного павлина. Помогите мне покончить с Тёмным Лордом. Это избавит тебя от клятв, не нарушая воли отца, и вернёт тебе самого себя. Ты ведь знаешь, во мне течёт эльфийская кровь. Я не примкну к Белому Тёмному Лорду и не стану новым тираном. Это и есть истинный нейтралитет.

— А ты зоркий, — Гилдерой долгим, оценивающим взглядом смерил хрупкого юношу. Затем он мягко улыбнулся, пряча холодную синеву под полуопущенными веками. Он снова кокетливо улыбнулся и небрежно откинул со лба золотистый локон. Пред Паном вновь сидел знаменитый писатель, лауреат ордена Мерлина и любимец публики. — Признаться, ты меня почти убедил. Но когда на кону моё будущее, я должен всё тщательно взвесить.

Пан промолчал, продолжая следить за дорогой. Его взгляд, чистый и непостижимый, напоминал застывшую под покровом ночи гладь Запретного озера — он очерчивал невидимую, но непреодолимую границу между ним и остальным миром.

Запряжённые фестралами кареты двигались стремительно. Вскоре они остановились перед парадными дверями замка, где прибывающих студентов отмечал декан Рейвенкло, профессор Флитвик. Гилдерой поспешил продемонстрировать галантность и, щеголяя высоким ростом, попытался помочь миниатюрному Пану спуститься на землю. В этот момент из темноты стремительным шагом вышел декан Слизерина. Его лицо было мрачнее грозовой тучи, а взгляд буравил мальчишку.

— Профессор Локхарт! Если ваши часы или календарь не были сожраны горным троллем, позвольте напомнить, что вы опоздали на целые сутки, — голос зельевара в чёрной мантии так и сочился ядом. Разумеется, это приветствие сложно было назвать радушным.

— О, сеньор Снейп! Какая радостная встреча! Подумать только, судьба сделала круг, и мы снова под одной крышей. Для меня это поистине триумфальное возвращение в родные пенаты. Знаете, когда я путешествовал по Тибету, местный проводник научил меня одной мудрости о возвращении домой в расшитых парчой одеждах. Впрочем, я прекрасно понимаю, что при вашей ограниченности подобные тонкости вам неведомы. Не переживайте, я никому не скажу, так что авторитет среди студентов вы не потеряете.

Локхарт виртуозно игнорировал смертоносные взгляды зельевара. Будучи выпускником Слизерина, он тоже умел выпускать яд, пусть и в совершенно иной, слащавой манере.

— Ах да, насчёт опоздания. Ерунда! Выдающиеся личности всегда задерживаются. К тому же занятия начнутся только завтра, так что учебный процесс не пострадал. Хотя, признаться, на уроках Защиты от Тёмных искусств вечно что-то случается — вы ведь помните это ещё по нашим школьным годам? Уверен, директор Дамблдор отнесётся к этому с пониманием.

С этими словами Локхарт панибратски похлопал разъярённого зельевара по плечу, достал карманное зеркальце, поправил причёску и летящей походкой вошёл в замок, совершенно не заботясь о том, под какой удар подставил своего юного спутника.

— Господин Джесас! — ожидаемо прошипел декан, перенося всю скопившуюся злость на оставшуюся жертву.

— Да, профессор, — Пан покорно опустил голову, пряча лукавые искорки в глубине глаз.

Первая дуэль Снейпа и Локхарта закончилась безоговорочным поражением мастера зелий. Что тут скажешь? Слизеринцы бывшими не бывают, и у каждого в запасе припасены острые клыки.

— Если вы не планируете снова свалиться без чувств посреди коридора, ваши дополнительные занятия начнутся сегодня же, сразу после пира, — сухо произнёс Снейп, хмуро разглядывая бледное, осунувшееся лицо первокурсника.

— Хорошо, профессор, — Пан удивлённо приподнял бровь. Начинать занятия в первый же день? И о каком обмороке речь? Когда это он успел лишиться чувств?

— Пароль — «горькая полынь». Надеюсь, у вас хватит ума не опаздывать.

Не дожидаясь ответа, Снейп резко развернулся и стремительно скрылся в полумраке коридоров, взметнув полы чёрной мантии, словно крылья летучей мыши.

Церемония распределения и праздничный банкет начались ровно в половину восьмого. Рон и Гарри, как и следовало ожидать, в зале так и не появились. Гермиона сидела за гриффиндорским столом в полном одиночестве. Она выглядела растерянной и взволнованной, то и дело бросая на Пана полные негою вопроса взгляды. Однако без поддержки друзей, да ещё и под ледяным взглядом сидящего рядом с Паном Драко Малфоя, она не решалась подойти.

Началось распределение. На этот раз Слизерин пополнился лишь восемью новичками — все из чистокровных семей, хотя равных по влиянию Малфоям среди них не было. Гриффиндор же, напротив, вновь ломился от новобранцев; судя по всему, в их спальнях опять будет не протолкнуться. Впрочем, канон оставался неизменным: Джинни Уизли предсказуемо отправилась на факультет львов и села рядом с Гермионой, что заметно приободрило последнюю.

А чуть позже Властелин подземелий тихо покинул преподавательский стол.

— Хм, а куда делся профессор Снейп? — закончив вежливую беседу с первокурсниками, Драко заметил пустующее место декана. Он по привычке обратился к Пану, интуитивно чувствуя, что тот знает о его крёстном абсолютно всё.

Пан приподнял бровь и с лукавой усмешкой спросил в ответ:

— А ты уже успел объяснить первокурсникам, что я не твой внебрачный брат?

— Пан! — Драко изо всех сил постарался не закатить глаза. — Оправдываться подобает гриффиндорцам, а мы на Слизерине. Я просто поприветствовал знакомых. В этом году поступил младший брат Дафны Гринграсс, думаю, он без труда станет старостой курса, — Драко выдержал небольшую паузу и вернулся к теме: — Так где профессор Снейп?

— Должно быть, ловит двух заблудившихся гриффиндорских львят, — лениво отозвался Пан.

Происходящее его мало волновало. Больше всего ему хотелось спокойно поужинать, а затем отправиться в кабинет зельевара на обещанные занятия. Однако у судьбы на этот вечер были иные планы.

— Господин Джесас!

Этот слащавый окрик раздался ровно в тот момент, когда Пан поднялся из-за стола. Судя по тому, как брезгливо поморщился Драко и поспешил отодвинуться подальше, гость был не из желанных. Пан обернулся и, как и ожидал, увидел напыщенного золотого павлина.

— Слушаю вас, профессор Локхарт, — Пан мысленно вздохнул, но вежливо поклонился.

— Профессор Стебль упомянула, что у вас поразительное... хм, взаимопонимание с волшебной флорой!

«Поразительное взаимопонимание? И к чему эта ирония? Его дело — павлиньи перья распускать, так зачем притворяться?»

В действиях этого хитрого слизеринца явно крылся какой-то умысел.

— Понимаете, профессор Стебль только что пожаловалась, что Гремучая ива сильно повреждена. Во время своих путешествий я не раз сталкивался с этими удивительными деревьями и знаю, как им помочь. Хочу осмотреть её прямо сейчас, не откладывая на завтра. Но в одиночку мне не справиться. Возможно, вы составите мне компанию?

Предложение звучало вполне невинно, но стоило ли применять в Хогвартсе эльфийскую магию? Даже с учётом того, что Дамблдор и так подозревал в нём наследие древнего народа. С

другой стороны, идея взглянуть на попавших в беду Гарри и Рона казалась заманчивой.

— С удовольствием, профессор, — кивнул Пан и вместе с Гилдероем направился к выходу из замка.

О, если бы в этом мире существовало зелье от опрометчивых поступков...

Когда прямо перед ними из темноты соткалась злобная фигура в развевающейся чёрной мантии, Пан первым делом подумал: не превратит ли разгневанный декан его дополнительные занятия по понедельникам и средам в ежедневную каторгу с отработками по вторникам и четвергам за очередное нарушение приказа?

— О, сеньор Снейп! Какая встреча! — Гилдерой лучезарно улыбнулся, вновь распуская свой павлиний хвост. — До меня дошли слухи о несчастье с Гремучей ивой. Я как раз собирался продемонстрировать юному студенту Джесасу искусство ухода за столь деликатными созданиями. Он проявил к этому живейший интерес.

— Полагаю, вам следует называть меня профессором Снейпом, профессор Локхарт, — ледяным тоном оборвал его Северус, даже не взглянув на мальчика. — И насколько мне известно, забота об усадьбе Хогвартса — прямая обязанность профессора Стебль. Что же касается студента Джесаса... у него сейчас отработка со мной.

— Вот как? Какая жаль, — Локхарт беззаботно пожал плечами и тут же выкинул из головы раненую иву.

Зельевар смерил Пана уничтожающим взглядом и стремительно развернулся, увлекая за собой шлейф чёрной мантии. Он даже не сомневался, что провинившийся студент покорно последует за ним.

«Что ж, дополнительные занятия лёгким движением руки превратились в отработку», — мысленно вздохнул Пан.

Мысленно пожелав Гремучей иве скорейшего выздоровления, он поспешил за удаляющейся фигурой своего декана.

Тяжёлая дубовая дверь кабинета с оглушительным грохотом захлопнулась, красноречиво свидетельствуя о крайней степени раздражения Властелина подземелий.

Пан молча замер перед разгневанным слизеринцем. Он прекрасно понимал, что ярость зельевара вызвана безрассудством двух глупых гриффиндорцев. Снейп отчаянно переживал за жизнь Гарри — живого напоминания о Лили. Все эти двенадцать лет забота о мальчике, рождённая из невыносимого чувства вины, оставалась единственной нитью, удерживающей зельевара в этом мире.

— Выпейте. Выучите рецепт наизусть, после чего свободны, — Снейп протянул ему знакомый зеленоватый флакон. Точно в таких же Пан когда-то держал противоядие из какао-травы, однако сейчас внутри явно плескалось совсем другое зелье.

— Профессор? — Пан удивлённо посмотрел на него, не понимая, к чему эта спешка.

— Мне не нужен студент, который падает в обморок посреди урока. Или отработки. И у меня нет ни малейшего желания тратить время на безмозглых идиотов. Так что выпейте это, запомните состав и убирайтесь. Не заставляйте меня повторять дважды.

Пан тихо вздохнул, принял флакон и осушил его одним глотком. На этот раз зелье не отдавало привычной болотной тиной — в нём отчётливо чувствовался освежающий аромат мяты. Но вкус остался прежним: невыносимо, обжигающе горьким.

<http://bllate.org/book/18188/1765747>